

III. АКЦЕНТОЛОГИЯ

Н. И. Куреев

Независимый исследователь

(Россия, Москва)

niyazkireyev@gmail.com

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СЛОВА *или* В XVII–XX ВЕКАХ: КОРПУСНЫЕ ДАННЫЕ¹

В статье рассмотрена хронология обнаруженного А. А. Зализняком просодического процесса, в результате которого старорусский фонетически самостоятельный союз *или́* стал проклитикой, а затем в некоторых контекстах приобрел начальное ударение. Этот процесс является частью более общей тенденции клитизации союзов и предлогов в русском языке. Для изучения ситуации конца средневеликорусского периода мы привлекаем не только данные акцентуированных памятников, но и, что менее тривиально, контексты с сентенциальными (фразовыми) энклитиками, где действие закона Ваккернагеля позволяет прояснить просодический статус слова *или*. Для периода с 1740-х годов по начало XX века мы пользуемся показаниями силлабо-тонической поэзии, включенной в Национальный корпус русского языка, а также лексикографическими изданиями соответствующего времени. Подробно рассмотрены методологические вопросы, связанные с изучением клитизации с помощью данных поэтического языка. Ситуация русского языка XX века отражена в записях устной речи. Обнаруживается, что проклитический вариант союза появился не позже середины XVIII века, но победил только в следующем столетии, а отдельные следы более старого состояния обнаруживаются еще в середине XX века. Ударение *или́*, как выясняется, распространено в русской поэзии «золотого века» (и, в частности, было свойственно идиолекту Пушкина), что не только не обсуждалось в научной литературе, но и совершенно не замечается современными носителями, для которых единственно приемлемым является более инновативное ударение *или*. Полученные результаты могут служить примером взаимообогащения русского стиховедения и исторической акцентологии.

Ключевые слова: клитизация, древнерусские энклитики, проклитические союзы, поэтический подкорпус НКРЯ, переакцентуация, историческая акцентология

---

¹ Мы благодарим С. А. Бурлак и В. А. Плунгяна за ценные замечания, сделанные в ходе обсуждения работы. Все возможные ошибки и упущения остаются на совести автора.

1. Введение

Богатый материал акцентуированных памятников свидетельствует, что в древне- и старорусском языке XIV–XVII веков союз *или* имел ударение на втором слоге² [Зализняк 2019: 286] (что ожидаемо акцентологически: при соединении проклитики *и* и «плюсовой» энклитики *ли* ударно второе, см. о проклитико-энклитических сращениях [Зализняк 2008: 72–78]). В современном же языке, очевидно, единственно возможно *или*.

Объяснение этому факту было дано лишь недавно: «...собственно сдвига [ударения] здесь в сущности не было. Эти служебные слова [*или* и *ибо*] в нынешней речи стали просто безударными, а их потенциальная начальнударность — это не что иное[,] как обычный способ произнести безударное слово, если его требуется выделить в речи или назвать отдельно (скажем, при грамматическом разборе)» [Зализняк 2016: 65]. Упомянутые в цитате *или* и *ибо* входят в более широкий ряд исконно конечнударных двухсложных лексем, клитизирующихся в современном языке (ср. *дабы* и т. п.; попытке их описания в целом мы намерены посвятить отдельную работу).

Однако остается неясным, что, собственно говоря, происходило между XVII веком и современным состоянием языка, то есть когда началась и с какой скоростью произошла эта клитизация и, если угодно, переосмысление места ударения. В словаре XVIII века соответствующее слово дано без акцентовки [СРЯ XVIII: 76–77]; в фундаментальном справочнике по языку XVIII–XIX веков [Еськова 2008] оно не комментируется. Данная лексема осталась в стороне и в монографии [Воронцова 1979], рассматривающей только именное и глагольное словоизменение.

Наша работа призвана заполнить эту лакуну и описать эволюцию просодического статуса союза в русском языке последних четырех столетий. Следующий раздел посвящен ситуации конца старорусского периода, третий раздел — методологическим вопросам извлечения акцентологической информации из силлабо-тонической поэзии, четвертый — данным поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ), в пятом разделе будет проанализирована ситуация в русском языке последнего столетия, а в шестом — подведены итоги исследования.

2. XVII век — начало XVIII-го

В дополнение к данным, приведенным в [Зализняк 2019: 286], можно указать на примеры из текстов XVII столетия, в которых не отмечено место ударения в интересующем нас союзе, но которые доказывают, что клитизация еще не произошла (цитируются по старорусскому подкорпусу НКРЯ):

1. *Он же со мною спрашивался, какъ ему жить впрѣд[ь] по Х[ристу]ѣ: «Или-де мнѣ велиш[ь] покинуть все и в пустыню поити?»*. [протопоп Аввакум. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное (1672–1675)]

---

² Отклонения чрезвычайно редки — только два текста XVI века, причем в одном *или* встретилось единожды наряду с регулярным *или*. Однако в обоих памятниках, по-видимому, аномальное ударение нельзя приписать неустойчивой дефинализации (о которой см. [Зализняк 2019: 41]); окончательную интерпретацию этих фактов мы оставляем до дальнейших исследований.

2. *Какъ н[ы]нѣ мнѣ велиш[ь]: туды л[ь] — де паки мучитца итти или — дѣ здѣс[ь] таитца от них?* [там же]

Поскольку *-де* — это фразовая энклитика, располагающаяся в вакернагелевской позиции [Зализняк 2008: 43–44], эти пассажи свидетельствуют, что для Аввакума *или* было самостоятельным фонетическим словом³. В старорусском подкорпусе есть еще три подобных примера (они относятся к 1680-х годам), в том числе:

3. *...а в ра[спро]се сказал он Микитка: Вас(ь)ка де Таруса был у меня с Фомкою Епифанавым, вином де я их пашл, и Фомка де Епифанав поехал от него Микитки дамои на лошади, а Вас(ь)ка де Таруса пошел пѣш, а я де его не бивал, собою л(ь) де он Вас(ь)ка умер или де хто его убил, того де я не ведаю.* [Грамотка приказчика А. Казакова и старост И. Петрова и К. Акулова из белевской вотчины (1681)]

Эти употребления расходятся не только с современным языком, но и с нормами литературного языка XVIII—XIX веков.

Имеются вхождения с цепочками энклитик, например:

4. *Бил, де, челом он соборному старцу Гедeonу, чтоб, де, он пожаловал на нынешней 179 год с апреля месяца дал денежную и хлебную ругу или бы, де, до нови на неделю по печеному хлебу, чтоб, де, ему пропитаться, и старец, де, Гедeon ему отказал* [Распросные речи в архиерейском Судном приказе священника Ивана Борисова и старцев Кирилло-Белозерского монастыря о выплате хлебной и денежной руги (1662.06.02)]
5. *А что, з(о)с(у)д(а)рь, земля за старую дачею у него Афонася, примерная, что отмежевал Полуехт Васил(ь)евич Шамордин семдесят пят(ь) чети, и он Афонасеи сказал мне холопу моему, чтоб де пожаловал Андрѣи Ильич указал за ту землю оброк платит(ь) или бы де где пожаловал земли н(а) абмен велел дать.* [Грамотка приказчика М. Дмитриева (1681)]

В терминах А. А. Зализняка, после слов *ругу* и *платить* в текстах стоит ритмико-синтаксический барьер, а вакернагелевские клитики *бы* и *де* стоят в соответствии с правилом рангов после полноударного слова *или*. Если бы этот союз был проклитикой, то фразовые энклитики располагались бы после фонетически самостоятельного слова, которому предшествовало бы *или*, то есть **или до нови бы де* и т. п.

³ Аналогичным образом определяется, например, просодическая самостоятельность слова *для* в языке протопопа (ср. *Еретик-де ты; для-де тебя доцентик худо идетъ!*). Следует сказать, что в автографе жития (сборник И. Н. Заволоко, список ИРЛИ) в этом месте (л. 66об.), судя по фототипическому изданию [ПС 1975], союз *или* выглядит так, как будто в нем проставлено ударение на первом слоге. Предостережем исследователей: у Аввакума регулярно встречаются неиктусные акцентные знаки [Зализняк 2019: 76], и на том же самом листе чуть ниже аналогичные диакритические знаки стоят над несомненной проклитикой *и* и над первым слогом конечноударного местоимения *ему*. Таким образом, нет оснований считать, что в этом идиолекте существовала акцентовка *и́ли*.

Такие «подозрительные» употребления в старорусском подкорпусе действительно имеются, хотя их существенно меньше (впрочем, нами обследованы только *бы*, *бо* и *де* как наиболее простые для проверки и надежные по свойствам энклитики):

6. ... а на нашу пашию на тѣхъ крестьянъ жеребей устроили бѣ есте новыхъ крестьянъ, призвавъ изъ гулящихъ и изо всякихъ волныхъ людей, давъ имъ нашего жалованья подмоги противъ иныхъ Верхотурскихъ крестьянъ, **или какъ бы** нашей казнѣ было прибылнѣе, чтобъ наша пашия, тѣхъ крестьянъ жеребей, которыхъ въ Томской розрядѣ пошлете, въ пустѣ не залегли и въ нашенъ бы хлѣбѣ Верхотурскіе пахоты передъ прежнимъ убыли не было [Царские грамоты верхотурскому воеводе с извещением о посылке из Казани 1500 рублей на подмогу крестьянам, переселяемым из Верхотурского уезда в Томский, Енисейский и Красноярский остроги, и 20453 руб. на разные расходы (1632)].

Такие контексты указывают, что в XVII веке *или* могло проявлять свойства «полупроклитики», то есть полноударной формы, которая в некоторых специальных контекстах, вероятно, теряла свое ударение; самые ранние такие примеры относятся еще к древнерусской эпохе [Зализняк 2008: 70].

Обратим также внимание на пример из силлабической поэзии (цитируется по поэтическому подкорпусу НКРЯ):

7. Сие егда зрит праведник в мире,
Озлобленный,
Не дивно, что весь шатнется в вере,
Изумленный,
И речет в себе: «Есть ли бог? **или**
Сущ, не видит,
Иль громовые потерял стрелы
И, тощ, сидит...»

[А. Д. Кантемир. Metaphrasis ps. 72: «Аще из земли престанут реки...» (1730)]

На первый взгляд, мы имеем дело с ранним примером ударения *и́ли*; во всяком случае, чтобы получить рифму, интересующее нас место должно было произноситься примерно как *и́лы* — *стри́лы* (редкое конечное ударение в форме ном. pl. *стри́лы* уже к XVII веку, по-видимому, полностью исчезает [Зализняк 2019: 192]; в XVIII веке не зафиксировано ни в НКРЯ, ни у Еськовой [2008: 58–59]). С этим, однако, связаны две проблемы. Во-первых, неясно, насколько такую акцентовку можно относить к русскому языку; М. В. Панов, снабдив указанную рифму красноречивым знаком (!), относил ее к распространенной в поэзии этого периода фонетической «украинизации» (имея в виду чтение *ѣ* как *i*⁴) и отмечал тот факт, что

⁴ Ударение в рифменных константах Панов не обсуждал. Несмотря на то, что в современном украинском и польском языках когнаты русского *или* не употребляются, кантемировскую предположительную акцентовку можно было бы счесть влиянием акцентуационной системы польского языка.

в более зрелых произведениях Кантемира *ѝ* и *и* уже не рифмуются [Панов 1990: 334]. Во-вторых, нет полной уверенности в том, как реально читалось это место: не исключено, что как разноударная рифма (впрочем, возможность таких прочтений в силлабической поэзии отрицал П. Н. Берков [1954: 302–303]; ср. обсуждение похожих проблем при интерпретации данных русской силлабики в [Сичинава 2014: 61]). Короче говоря, при нынешнем состоянии наших знаний такой контекст приходится считать акцентологически неинформативным.

Таким образом материал XVII века свидетельствует, что в каких-то идиолектах безударное *или* в принципе уже могло встречаться (по крайней мере как аллегро-форма), но однозначными доказательствами этого мы все же не располагаем.

3. Классическая поэзия как источник по акцентуации XVIII–XIX веков

Несмотря на молчание классического труда [Еськова 2008], силлабо-тоническая поэзия может помочь приглядеться к интересующему нас просодическому изменению.

Это впервые подмечено Н. В. Перцовым. На лекции А. А. Зализняка 13.02.2017 в московской школе «Муми-тролль» (содержание которой в основном отражено в статье [Зализняк 2016]) Николай Викторович обратил внимание на строчку из «Евгения Онегина»: *Или (но это кроме шуток)*. Здесь синтаксическая структура обязывает поставить на союзе ударение (он не может просодически примыкать к вставной конструкции, перед которой произносится пауза)⁵. Ямбическая строка Пушкина, заключают слушатели, могут свидетельствовать, что «скорее всего, в XVIII-м — начале XIX века могли сказать и с ударением на втором слоге»⁶.

В словаре языка Пушкина, содержащем в том числе и акцентуационную информацию, это слово не комментируется [СЯП II: 229–231]. Почему же широко⁷ распространенное чтение этой строки с *или* невозможно? Дело в тенденции, согласно которой в классической русской поэзии «a stressed syllable cannot fall on the upbeat if a downbeat is fulfilled by an unstressed syllable of the same word unit» («правило Якобсона — Томашевского» или «запрет на переакцентуацию» [Пильщиков 2017: 158]; ср. в [Гаспаров 2001: 109–111]); таким образом слово со сверхсхемным ударением в норме короче стопы⁸. Это правило соблюдалось довольно последовательно:

⁵ И поэтому тот факт, что для пушкинского времени пропуск ударения на первой стопе четырехстопного ямба стал обычным [Гаспаров 2000: 141–142], здесь нерелевантен.

⁶ См. расшифровку лекции и вопросов после нее: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/433894/ и видеозапись: <https://youtu.be/r7ep0PXICkk>.

⁷ Именно так это место произносят И. М. Смоктуновский (<https://youtu.be/wrZtP2yO-A8?t=1420>), С. Ю. Юрский (https://youtu.be/bAY-p_oCeQM?t=1294), В. С. Непомнящий (https://youtu.be/1ugpP8LU_wI?t=1073), В. П. Герасимов (<https://youtu.be/xi3-PSoQPCM?t=1057>) и другие тещы-актеры второй половины XX столетия.

⁸ См. [Пильщиков 2017: 157–159] с историей вопроса. На важность запретной переакцентуации для историко-акцентологических штудий недавно указывал Д. В. Сичинава, см. [Сичинава 2014: 49–50] и другие публикации. Вообще об извлечении акцентологической информации из корпуса поэзии см. [Гришина 2009] и особенно [Корчагин 2008].

при том, что отдельные отступления от него, имитирующие народный стих, встречаются еще у Радищева [Гаспаров 2000: 87–88], в пушкинское время к ним относятся нетерпимо [Там же: 148–149]. И в целом «нельзя сказать, что перебои [= переакцентуации] характерны для „классической“ русской силлабо-тоники: даже на рубеже XIX–XX веков в пору многочисленных экспериментов с метром и ритмом они употреблялись нечасто» [Корчагин 2015: 22], хотя, строго говоря, правило Якобсона верно лишь на ограниченном периоде и с оговорками [Шапир 2005: 48–51].

Для нашего вопроса это означает, что ударение на первом слоге ямбической строки в большинстве случаев может нести только односложное слово, коим *или* не является. Как представляется, кроме примера (8), у Пушкина есть еще как минимум одно подобное по несомненности употребление (цитируется по поэтическому подкорпусу НКРЯ):

8. *Да после скучного обеда
Ко мне забредшего соседа,
Поймав неожиданно за полу,
Душу трагедией в углу,
Или (но это кроме шуток),
Тоской и рифмами томим,
Бродя над озером моим,
Пугаю стадо диких уток:
Вняв пенью сладкозвучных строф,
Они слетают с берегов.*
[А. С. Пушкин. Евгений Онегин / Глава четвертая («Чем меньше женщину мы любим...») (1824–1826)]

9. *Куда бежит, зажавши вежды?
На чем он основал надежды?
Или... но дочери любовь
Главы отцовской не искупит.
Любовник гетману уступит,
Не то моя прольется кровь.*
[А. С. Пушкин. Полтава («Богат и славен Кочубей...») (1828–1829)]

Иными словами, мы имеем дело, судя по всему, со случаем сохранения исконного ударения у Пушкина⁹. Вообще же у него этот союз употребляется перед знаками препинания десять раз, и из них в восьми случаях икт приходится на второй слог¹⁰; для остальных двух случаев кажется вполне возможным прочтение как

⁹ Как станет ясно из дальнейшего изложения, это явно отражение акцентовки, существовавшей и вне поэтической речи, — вопреки расхожим представлениям о распространенности *licentiae poeticae* (см. [Шенгели 1940: 6]).

¹⁰ Одиннадцатый контекст, отмеченный в конкордансе к Пушкину [Шоу 2000: 391–392], является результатом опечатки: *или, куда влечет тебя свободный ум* (вместо *иди*).

проклитик, однако полностью отвергнуть возможность произношения поэтом в этих случаях *или* все же невозможно.

Интригу ситуации добавляет то, что наиболее акцентно несомненной является позиция рифменной константы, однако в классической силлабо-тонической поэзии интересующий нас союз редко оказывается в клаузуле (так как в нормальном случае это является сильным анжамбеманом, которого поэты того времени избегали): по данным НКРЯ, в XVIII веке такие употребления не встречаются ни разу, а в первой половине XIX-го встречаются лишь дважды — и оба раза с инновативным ударением:

10. *Твоя комедия без «или»,
И на театре ей не быть,
Она сгниет в архивной пыли;
Да почему же ей не сгнить,
Когда и с прибавленьем «или»
Давным-давно две Лизы сгнили?*

[М. В. Милонов. <Н. Ф. Грамматину> («Твоя комедия без или...») (1810)]

11. *Зачем еврейку не утешить тайно,
Зачем толпу не наказать случайно
Презреньем гордым всех ее причуд?
И что молва? — Глупцов крикливый суд,
Коварный шопот злой старухи, **или**
Два-три намека в польском иль в кадрили!*

[М. Ю. Лермонтов. Сашка: Нравственная поэма («Наш век смешон и жалок, — все пиши...») (1839)]

Другие более или менее однозначные примеры, даже близкие хронологически, демонстрируют акцентную вариативность:

12. ... *Вопиющих повсечасно:
«Создал Бог меня напрасно!»
Или: «Создал — как тиран,
Коль предвидел бедства века,
Сотворяя человека,
Сам привел его в обман!»*

[Н. П. Николев. Ода Богу, в противность мирского умствования («Бог, Которого все в мире ...») (1795)]

13. ***Или**, подобно Дон-Кихоту,
<...>*

***Или**, Платонов воскрешая
И с ними ум свой изоцряя,
Закон республикам давай
И землю в небо превращай.*

*Или... но как все то исчислить,
Что может стихотворец мыслить
В укромной хижинке своей?*

[Н. М. Карамзин. К бедному поэту («Престань, мой друг, поэт унылый...»)
(1796)]

Ясно, что мы имеем дело с синхронной вариативностью, иногда, по-видимому, — даже в рамках идиолекта конкретного автора (о колебаниях в ударении внутри творчества отдельных поэтов писал еще Л. А. Булаховский [1948: 136] в своей классической монографии о языке XIX столетия; см. современные корпусные исследования этого явления [Piperski, Kukhto 2016; Piperski, Kukhto 2021]).

Интересен контринтуитивный факт, что в примере (12) архаист Николев употребляет более инновативный просодический вариант, а обновитель литературного языка Карамзин в (13) использует архаичную акцентовку.

4. Поэтический подкорпус НКРЯ

Однако большой объем данных НКРЯ позволяет пролить свет на общие этапы эволюции в данной точке языка.

В силлабо-тоническом стихосложении метрический статус слова *или* троякий: 1) икт (сильное место строки) может приходиться на первый слог; 2) икт может приходиться на последний слог; 3) в трехсложных (и более) размерах союз может быть метрически безударным, то есть икт на него не падает.

Конечно, икты не равны лексическому ударению: хорошо известно, что метрические ударения (кроме последнего в стихе) в русском стихе могут пропускаться (и тогда в случаях 1 и 2 слово *или* будет проклитикой), а на слабые слоги может падать сверхсхемное ударение (и тогда в случае 3 *или* будет просодически самостоятельным, причем место ударения выяснить невозможно). Кроме того, очень редко, но все же встречаются и перебои, то есть в первом случае реальное ударение теоретически может падать на второй слог, равно как и во втором — на первый.

Например, в следующем ямбе икт падает на конец союза, но в действительности мы, скорее всего, имеем дело с пропуском схемного ударения:

14. *Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы,
Где может быть родились вы,
Или блистали, мой читатель;
Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня.*

[А. С. Пушкин. Евгений Онегин / Глава первая: «Мой дядя самых честных правил...» (1823–1824)]

В следующем хорее *или* (грависом мы обозначаем икт — в отличие от словесного ударения, обозначаемого акутом) реально тоже читалось, надо думать, как проклитика:

15. *Что ты значишь, скучный шопот?*

Укоризна, или ропот

Мной утраченного дня?

От меня чего ты хочешь?

[А. С. Пушкин. Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы: «Мне не спится, нет огня...» (1830)]

В (16) *или* в правильной анапестической строке (в составе тактовика) занимает метрически безударные слоги, но *sub specie* акцентологии — это неинформативный пример, так как здесь союз может иметь ударение на любом слоге или быть безударным:

16. *Долго ль вам терпеть оплеухи?*

Или вы уж не сербы, — цыганы?

Или вы не мужчины, — старухи?

[А. С. Пушкин. Воевода Милош: «Над Сербией смилуйся ты, боже!..» [Песни западных славян, 12] (1834)]

Приведем теперь суммарные данные поэтического подкорпуса НКРЯ о распределении употреблений *или* по трем указанным выше метрическим возможностям¹¹:

Таблица 1. Метрические свойства *или* по периодам (сплошная выборка)

период	в процентах			в абсолютных значениях		
	икт на втором слоге	метрическая безударность	икт на первом слоге	икт на втором слоге	метрическая безударность	икт на первом слоге
1741–1799	84	0	16	576	0	108
1800–1825	76	2	22	469	11	138
1826–1850	50	4	46	387	33	355
1851–1875	42	14	45	193	63	209
1876–1900	32	23	45	114	82	158

Конечно, в каждом отдельном вхождении союза в принципе не исключен пропуск схемного ударения (хотя, разумеется, где-то он практически невероятен, где-то — вполне возможен) или даже переакцентуация, однако на материале тысяч текстов тенденция расстановки иктов становится заметна: постепенное устойчивое

¹¹ Здесь и далее было решено не включать в подсчет стихотворения, датировка которых не позволяет однозначно отнести их к тому или иному (довольно произвольно) выделенному нами периоду. Количественные данные приведены по состоянию на февраль 2022 года.

снижение доли случаев *или* — с $\frac{4}{5}$ в XVIII веке до $\frac{1}{3}$ на рубеже XIX и XX веков. Поскольку в подсчет идут употребления союза в любой позиции внутри стиха, нет никакой общей причины, почему со временем *или* становится метрически предпочтительнее, чем *или*, кроме изменения акцентуационных свойств союза в языке.

Сходные результаты показывают срезы отстоящих друг от друга периодов (а не идущих подряд, как в первой выборке): *или* берет верх над *или* во второй половине позапрошлого столетия.

Таблица 2. Метрические свойства *или* в отдельные периоды (выборка с промежутками)

период	в процентах			в абсолютных значениях		
	икт на втором слоге	метрическая безударность	икт на первом слоге	икт на втором слоге	метрическая безударность	икт на первом слоге
1780–1790	82	0	18	89	0	19
1820–1830	75	2	23	275	9	85
1860–1870	36	13	51	73	26	103
1900–1905	28	25	47	63	56	104

Но нагляднее всего, возможно, оказываются данные по идиолектам поэтов (см. обсуждение необходимости таких расчетов в [Piperski, Kukhto 2021]); в корпусе были выбраны авторы с достаточно большим объемом употреблений союза:

Таблица 3. Метрические свойства *или* у разных поэтов

автор	в процентах			в абсолютных значениях		
	икт на втором слоге	метрическая безударность	икт на первом слоге	икт на втором слоге	метрическая безударность	икт на первом слоге
Ломоносов (1711–1765)	97,5	0	2,5	39	0	1
Сумароков (1717–1777)	89	0	11	65	0	8
Державин (1743–1816)	74	1	25	51	1	17
Жуковский (1783–1852)	37	1	62	67	2	114
Пушкин (1799–1837)	75	1	24	112	2	36
Лермонтов (1814–1841)	60	5	36	50	4	30
Некрасов (1821–1877)	40	16	43	37	15	40
Брюсов (1873–1924)	6	19	75	4	13	50

автор	в процентах			в абсолютных значениях		
	икт на втором слоге	метрическая безударность	икт на первом слоге	икт на втором слоге	метрическая безударность	икт на первом слоге
Черный (1880–1932)	18	24	58	12	16	38
Блок (1880–1921)	23	46	32	18	36	25
Ахматова (1889–1966)	20	27	53	17	23	46
Цветаева (1892–1941)	10	40	50	11	44	55

Здесь диахроническая тенденция к изменению акцентуации проявляется не настолько явственно — и из-за разной продолжительности жизни (и объема творчества) авторов, и, вероятно, из-за их разных стилистических предпочтений (ср., например, рекордную инновативность идиолекта Брюсова), — но в целом согласуется с данными в предыдущих таблицах.

Ясно, тем не менее, что часть приведенных данных отражает не только собственно языковую эволюцию, но и метрическую эволюцию русскоязычной поэзии: так, метрически безударное *или* возможно только в трехсложных (и более) размерах, которые стали часто использоваться лишь с середины XIX века. Поэтому имеет смысл привести данные по трехсложным метрам отдельно:

Таблица 4. Метрические свойства *или* в дактиле, амфибрахии и анапесте по периодам

период	икт на втором слоге	метрическая безударность	икт на первом слоге
до 1799	2	0	8
1800–1824	14	7	30
1825–1849	10	34	117
1850–1874	8	65	52
1875–1899	6	81	38
1900–1910	6	127	45
1911–1920	8	194	130
1921–1925	12	145	103

Эти числа тем интереснее, что пропуски схемных ударений в трехсложниках стали в заметном количестве распространяться только со времени Пастернака (хотя отдельные редкие примеры есть еще у Некрасова) [Гаспаров 2000: 196–197, 242] (ср. также специально о метрических предпочтениях Пастернака [Гаспаров 1997]), то есть в большинстве случаев, отраженных в двух столбцах таблицы, союз, по-видимому, действительно нес ударение. Заметим, что тут конечное ударение

с самого начала не составляет большинства, но, тем не менее, эти данные хорошо подтверждают реальность варианта *или́* в начале XIX века; ср., например:

17. Довольно страдал я, довольно терпел;
 Устал я! — Пусть сердце **или** сокрушится
 И кончит земной мой несносный удел,
 Иль с жизнью арфой златой примирится.
 [Н. И. Гнедич. Мелодия: «Душе моей грустно! Спой песню, певец!..»
 (1824)]

Мы предостережем читателя от поспешного заключения, что ситуация в языке второй четверти XIX века совершенно не отличалась от первой половины 1920-х годов — это противоречит не только данным первых трех таблиц, но и лексикографии.

5. Лексикографические и другие данные

Так, хотя в ранних словарях, [Гелтергофь 1771: 189] и [Нордстетъ 1780: 268], дана инновативная акцентовка *или́*, в обоих изданиях авторитетного нормативного Словаря Академии Российской находим *или*¹² [САР 1792: 290; САР 1809: 1136]. В акцентуированных словарях [Гелтергофь 1778: 273; Соколовъ 1834: 1043–1044] интересующий нас союз оставлен без ударения, а [Словарь 1847: 130] дает на первом месте конечное ударение, а на втором — начальное (без помет). Только *или́* дается в обоих изданиях грамматики Н. И. Греча [1827: 483; 1834: 437].

В тексте акцентуированного издания [Рклицкій 1838] архаичное ударение используется не только в поэтических строках, но и в оглавлении: *Гі́мны или́ о́ды ду́ховныя* [Там же: 1]. В позднейшем переиздании учебной хрестоматии того же автора [Рклицкій 1864] союз всегда имеет ударение на втором слоге: *никогда́ не́ было еще говорено́ тако́й неправды́, кото́рая бы́ рано́ или́ поздно́ не произвела́ вредных для́ ко́го нибудь́ [sic] послѣ́дствій́* [Там же: 46–47], *несмотря́ на то́, имѣ́ет ли онъ чинь́ и де́ньги, или́ не имѣ́ет* [Там же: 49], *спустя́ два или́ три мѣ́сяца* [Там же: 120]; это же ударение дается и в словуказателе [Там же: 203].

В [Даль 1865: 662; Даль 1881: 39] без ударения, а в бодуэновском издании является ударение на первом слоге [Даль 1905: 92], оно же в [Ельсинь 1890: 197].

Интересно свидетельство нормативного справочника [Долопчевъ 1909: 92], который приводит *или́* в качестве неправильного варианта вместо корректного *или*, то есть архаичная акцентовка на тот момент еще встречалась, но воспринималась как нелитературная. С этим согласуется ремарка В. И. Чернышева [1912: 10], аттестующего *или́* как «южную» форму вместо обычной *или*. При этом, однако, в [СРНГ XII: 184] архаичный вариант не отмечен.

[Огіенко 1914: 98–99] прямо указывает, что *или* «является проклитикой».

Таким образом, из сосуществовавших в XVIII веке вариантов *или́* и *или* второй постепенно берет верх в течение XIX века, так что до начала минувшего

¹² Здесь гравис — просто воспроизведение графики оригинала.

столетия архаичная акцентовка доживает исключительно как маргинальная. По-видимому, в XIX веке в большинстве контекстов союз выступал уже в проклитической форме.

6. XX век

Любопытно свидетельство из стиховедческого пособия [Шенгели 1940: 6], где *или* приводится в числе слов, имеющих «двойственное ударение, одинаково правильное». Относится ли это указание к языку эпохи автора, или к языку эпохи русской классической поэзии? Для XX века в НКРЯ уже доступны записи устной акцентуированной речи. В них наблюдается громадное преобладание безударности союза при регулярно встречающемся ударении на первом слоге. Однако мы обнаружили два других примера:

18. [Женя (Юрий Медведев), муж, 38, 1920] *Молодѐц! Итáк/ пря́мо с корабля́ на ба́л? Из э́той/ ка́к ee... Завиру́хи и́ли... Затиру́хи... на Берли́н/ а?*
[Иосиф Хейфиц, Юрий Герман. Дорогой мой человек, к/ф (1958)]
19. [Гена (Андрей Миронов), муж, 27, 1941] *И́ли / мо́жет бы́ть...*
[Горбунков (Юрий Никулин), муж, 47, 1921] *Зря́ мы́ сюда́ прие́хали. Черные Ка́мни бли́же/ да и кле́в та́м лу́чше.*
[Леонид Гайдай, Морис Слободской, Яков Костюковский. Бриллиантовая рука, к/ф (1968)]

Обратим внимание, что в обоих случаях *или* стоит перед паузой.

Между тем, [Ушаков 1: 1189] дает только *и́ли*, как и [МАС 1: 659]. Характерна словарная статья в [БАС 1956: 282], где дана инновативная акцентовка, а в иллюстративной зоне приведен пассаж из «Евгения Онегина», где союз употреблен трижды — и все три раза с иктом на втором слоге. В словаре [Аванесов 1988: 189], повторяющем издание 1983 года, дано *и́ли* и *или* — «произносится со слабым удар[ением] или без удар[ения]»; то же в [Аванесов 1989: 184]. Не очень понятно, однако, в каком смысле ударение слабо, например, в не отмеченном [Там же] выражении *и́ли-и́ли* ‘одно из двух’ и подобных случаях, ср.:

20. *«Неужели же старик мог надо мной насмеяться?» Так восклицал Митя, шагая в свою квартиру, и уж, конечно, иначе и не могло представляться уму его, то есть: или дельный совет (от такого-то дельца) — со знанием дела, со знанием этого Лягавого (странная фамилия!), или — или старик над ним посмеялся!* [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)]
21. *Характерно уже это «или — или»: или ничто, небытие, или вершина вершин.* [Н. К. Михайловский. О г. Максиме Горьком и его героях (1898)]
22. *Ты ставишь мнѣ свои ужасныя — или-или.* [А. В. Амфитеатров. Волны (В стране любви). Комедия в 4-х действиях (1903)]

23. Поэтому здесь допускается только альтернативное **или** — **или**, где голос религиозного сознания властно говорит: *и* — *и*. [С. Н. Булгаков. Свет не вечерний (1916)]
24. Одно из двух, — сказал Остап, — **или-или**. [Илья Ильф, Евгений Петров. Двенадцать стульев (1927)]

Ср. еще более новые контексты вида *Ты придешь — и́ли?*, где союз составляет отдельное фонетическое слово (аналогично немецкому «разделительному вопросу» в разговорном регистре вида *Du kommst doch mit uns, oder?*).

7. Заключение

Таким образом, можно подытожить, уточняя линию, намеченную Зализняком, что в первой половине XVIII века (возможно, в каких-то идиолектах уже в XVII веке) на месте бывшего полноударного *или́* в некоторых контекстах стала выступать аллегровая форма *или*, пополнившая число проклитических союзов. В то же время, благодаря (в числе прочего) специальным контекстам (когда высказывание обрывалось на *или*; когда союз предшествовал цитате или вставной конструкции; и т. п.) старый вариант с ударением на втором слоге сохранялся еще довольно долго — в речи части носителей, но, возможно, не всех: уже к концу XVIII века при необходимости просодической самостоятельности было возможно ударение *и́ли*, являющееся естественным способом произнести безударное в норме слово. На протяжении XIX века акцентовку *или́* постепенно, но уверенно вытесняет инновативное ударение, хотя отдельные (впрочем, маргинальные) свидетельства старого варианта относятся даже к середине XX века. Вероятно, полное завершение рассматриваемого акцентологического процесса можно отнести только ко второй половине (или даже к концу) XX века, то есть совсем незадолго до выхода статьи Зализняка, объяснившей его сущность. В результате мы получаем современную нам картину начала XXI века, когда безударное *или* является уже не аллегровой, а стандартной и в большинстве случаев единственно возможной формой, а в специальных контекстах, требующих просодической автономности, фиксируется только *и́ли*. При этом старое ударение *или́* кажется современным носителям немислимым¹³, и очевидные случаи такой акцентовки из классической поэзии игнорируются даже образованными говорящими.

Этот сюжет показывает, что даже акцентологические изменения, которые известны высокой скоростью своего протекания, в действительности никогда не происходят одномоментно и легко растягиваются на столетия.

Представляется, что данная работа может служить примером плодотворного «обмена информацией» между русской исторической акцентологией и стиховедением, на скромность которого сетуют некоторые исследователи [Сичинава 2020: 112].

¹³ Характерно, что этот союз обычно не включается в современные орфоэпические словари, например [Резниченко 2003; Горбачевич 2009; Еськова 2014] (см. также словари на сайте Грамота.ру: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%B8%D0%BB%D0%B8&all=x>), — видимо, исходя из соображения, что это слово не может вызывать каких-либо сомнений или трудностей.

Литература

Источники и словари

Горбачевич К. С. Современный орфоэпический словарь русского языка. М.: Астрель, АСТ, 2009. (Современный словарь.)

Долотчевъ В. Опыт словаря неправильностей въ русской разговорной рѣчи. Издание второе, пересмотрѣнное и дополненное. Варшава, 1909.

Ельсинъ А. И. Правила ударенія въ русскомъ языкѣ. Варшава: въ типографіи Маріи Земкевичъ, 1890.

Еськова Н. А. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008.

Еськова Н. А. Словарь трудностей русского языка. Ударение. Грамматические формы. М.: Языки славянских культур, 2014.

Зализняк А. А. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. 2-е изд., расширенное и переработанное. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.

Начальныя основанія русскаго языка для начинающихъ учиться по-русски, или легчайшій способъ научиться читать и писать по русски [sic], и переводить съ русскаго языка на польскій, составленный Магистромъ Василиемъ Рклицкимъ. 5-е изд. Варшава: въ Казенной типографіи при Правительственной комиссіи народнаго просвѣщенія, 1864.

Общій церковно-славяно-россійскій словарь ... по порученію Комитета устройства учебныхъ заведеній составленное П. С[околовымъ]. Ч. 1: [А—Н]. Санктпетербургъ: въ Типографіи Императорской Россійской академіи, 1834.

Огіенко И. И. Русское литературное удареніе. Правила и словарь русскаго ударенія. 2-е изд., знач. доп. и соверш. перераб. К.: тип. В. П. Бондаренко и П. Ф. Гнездовскаго, 1914.

Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; под ред. Р. И. Аванесова. 4-е изд., стер. М., 1988.

Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы: Ок. 65 000 слов / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; под ред. Р. И. Аванесова. 5-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1989.

Практическая русская грамматика, изданная Николаемъ Гречемъ. Второе изданіе, исправленное. СПб., 1834.

Практическая русская грамматика, изданная Николаемъ Гречемъ. СПб., 1827.

Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифанія / Издание подготовили Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова, ответственный редактор В. П. Малышев. Л.: Наука, 1975.

Резниченко И. Л. Орфоэпический словарь русского языка. М.: Астрель, 2003.

Россійскій, съ нѣмецкимъ и французскимъ переводами, словарь, сочиненный Иваномъ Нордстетомъ. Ч. 1: А—Н. СПб.: И. К. Шноръ, 1780.

Россійской лексиконъ по алфавиту, съ нѣмецкимъ и латинскимъ переводомъ, I. Часть, изданный Францискомъ Гелтергофомъ. М.: печатанъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 1778.

Россійской Целларіусъ, или Этимологической Россійской лексиконъ, ... изданный м[агистромъ] Францискомъ Гелтергофомъ. [М.]: печатанъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 1771.

Русская христоматія, или Избранныя мѣста изъ лучшихъ русскихъ писателей, систематически расположенныя и заключающія примѣры на всѣ роды сочиненій въ прозѣ и стихахъ, составленныя Магистромъ Василиемъ Рклицкимъ. Часть вторая, поэзія. Кн. 1. Варшава: въ типографіи М. Хмелевскаго, 1838.

Словарь Академіи Россійской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 2: Д—К. Въ Санктпетербургѣ: При Императорской академіи наукъ, 1809.

Словарь Академіи Россійской. Ч. 3: От З до М. Санктпетербургъ: При Императорской академіи наукъ, 1792.

Словарь русских народных говоров. Выпуск 12: зубреха — калумаги. Л., 1977.

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9. (Из — Каста). СПб.: Наука, 1997.

Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

Словарь современного русского литературного языка. Т. 5: И—К / Под ред. В. И. Чернышева. М.—Л.: Издательство АН СССР, 1956.

Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторым Отдѣленіемъ Императорской академіи наукъ. Т. 2. Санктпетербургъ: въ Типографіи Императорской академіи наукъ, 1847.

Словарь языка Пушкина: в 4 т. Т. 2: 3—Н / Отв. ред. В. В. Виноградов. — 2-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000.

Толковый словарь живаго великорускаго языка В. И. Даля. Ч. 2. И—О. — М.: Изданіе Общ-ва любителей Россійской словесности, 1865.

Толковый словарь живаго великорускаго языка Владиміра Даля. — исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 2. И—О. — СПб.-М.: Изд. М. О. Вольфъ, 1881.

Толковый словарь живого великорускаго языка Владиміра Даля. Т. 2. И—О. — исправленное и значительно дополненное изданіе, под редакціей проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. — СПб.-М.: Т-ва М. О. Вольфъ, 1905.

Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Гос ин-т «Сов. энцикл.», ОГИЗ, 1935–1940.

Чернышевъ В. Русское удареніе. Пособіе къ его изученію и употребленію. С.-Петербургъ, 1912.

Шоу Дж. Т. Конкорданс к стихамъ А. С. Пушкина. Т. I (А—Н). М.: Языки славянской культуры, 2000.

Литература

Берков П. Н. [Рец. на кн.: Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М.—Л., 1953] // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. XIII. Вып. 3. С. 297–303.

Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. Киев: Радянська школа, 1948.

Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. 2-е изд., доп. М.: Фортуна Лимитед, 2000.

Гаспаров М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях. 2-е изд., доп. М.: Фортуна Лимитед, 2001.

Гаспаров М. Л. Стих Б. Пастернака // Избранные труды. Том III. О стихе. М.: ЯРК, 1997. С. 502–523.

Гришина Е. А. Корпус «История русского ударения» // В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова (ред.). Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб: Нестор-История, 2009. С. 150–174.

Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.

Зализняк А. А. Из истории русского ударения: сдвиг ударения с неприкрытой гласной // Русский язык в научном освещении. 2016. № 2 (32). С. 55–70.

Корчагин К. М. Начальные переакцентуации (перебой) в русских двусложных размерах (типология и история) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. № 74 (1). 2015. С. 19–29.

Корчагин К. М. Поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка как акцентологический источник // Материалы международной конференции «Диалог 2008». <http://www.dialog-21.ru/dialog2008/materials/pdf/Korchagin.pdf>

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1990.

Сичинава Д. В. Акцентуация глагола *быть* в русском стихе // Плунгян В. А., Л. Л. Шестакова (ред.). Корпусный анализ русского стиха. Вып. 2. М.: Азбуковник, 2014. С. 48–74.

Сичинава Д. В. Русская историческая акцентология и стиховедение: малознакомые ровесники // Кибрик А. А. и др. (ред.). ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В. А. Плунгяна. М.: Буки-Веди, 2020. С. 111–115.

Шапир М. И. «Тебе числа и меры нет». О возможностях и границах «точных методов» в гуманитарных науках // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 43–62.

Шенгели Г. Техника стиха: практическое стиховедение. 3-е изд. [М.:] Советский писатель, 1940.

Pilshchikov I. Заседание московского лингвистического кружка 1 июня 1919 г. и зарождение стиховедческих концепций О. Брика, Б. Томашевского и Р. Якобсона // *Revue des études slaves*. 2017. LXXXVIII, 1/2. P. 151–175.

Piperski A. Ch., Kukhto A. V. Intra-speaker stress variation in Russian: A corpus-driven study of Russian poetry // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 1–4 июня 2016 г.). Вып. 15 (22). М.: Изд-во РГГУ, 2016. С. 540–550.

Piperski A., Kukhto A. Inferring stress placement variability from a poetic corpus // *Journal of Slavic Linguistics*. 2021. Vol. 29, extra issue: Formal Approaches to Slavic Linguistics 28 Proceedings. P. 1–15.

N. I. Kireyev

Independent researcher

(Russia, Moscow)

niyazkireyev@gmail.com

ACCENTOLOGICAL HISTORY OF THE WORD *ili* DURING THE 17th—20th CENTURIES: CORPUS EVIDENCE

The paper deals with chronology of the prosodic process of the Middle Russian word *ilú* becoming proclitic, then carrying stress on the first syllable in some contexts. This phenomenon, discovered by Andrey Zaliznyak, is a part of a more general tendency to the accentological weakening of conjunctions and prepositions in Russian. To investigate the initial stages of this process, I use not only the evidence of accentuated sources, but also texts where Wackernagel clitics help to establish the phonological status of the word. For the period from the 1740s to the early 20th century, I use the (accentual syllabic) poetry included in the Russian National Corpus (RNC). I found out that the clitic variant of *ilui* emerged not later than the mid-17th century, but gained predominance only in the subsequent century. The archaic stress *ilú* was used by the poets of the “Golden Age” (including Alexander Pushkin), but it was overlooked by linguists and is not noticed by nowadays speakers.

Key words: cliticization, Old Russian enclitics, proclitic conjunctions, poetry sub-corpus of RNC, trans-accentuation (non-metrical stress), historical accentology

References

Berkov P. N. [Review of: Simeon Polotskii. *Izbrannye sochineniya*. M.; L., 1953]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*. 1954. Vol. XIII. Iss. 3, pp. 297–303. (In Russ.)

Bulakhovskii L. A. *Russkii literaturnyi yazyk pervoi poloviny XIX veka. Fonetika. Morfologiya. Udarenie. Sintaksis* [Standard Russian in the first half of the 19th century. Phonetics. Morphology. Accent. Syntax]. Kyiv, 1948. (In Russ.)

Gasparov M. L. [Verse of B. Pasternak]. *Izbrannye trudy. Tom III. O stikhe* [Selected works. Vol. III. On verse]. Moscow, 1997, pp. 502–523. (In Russ.)

Gasparov M. L. *Ocherk istorii russkogo stikha* [Outline of the history of Russian verse]. Moscow, 2000. (In Russ.)

Gasparov M. L. *Russkii stikh nachala XX veka v kommentariyakh* [Russian verse of the beginning of the 20th century in the commentaries]. Moscow, 2001. (In Russ.)

Shengeli G. *Tekhnika stikha: prakticheskoe stikhovedenie*. [The verse technique: practical verse theory]. Moscow, 1940. (In Russ.)

Grishina E. A. [Corpus “History of Russian stress placement”]. *Natsional’nyi korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novye rezul’taty i perspektivy* [National Russian Corpus: 2006–2008. New results and perspectives]. Saint-Petersburg, 2009, pp. 150–174. (In Russ.)

Kalugin V. V. [Yat' <ě> in the poetic language of Antiochus Cantemir]. *Khudozhestvennyi tekst kak dinamicheskaya Sistema* [Fictional text as a dynamic system]. Moscow, 2006, pp. 506–508. (In Russ.)

Korchagin K. M. [Initial trans-accentuations in Russian disyllabic metres (typology and history)]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 2015. No. 74 (1), pp. 19–29. (In Russ.)

Korchagin K. M. [Poetry subcorpus of Russian National Corpus as the accentological source]. *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2008»* [International conference “Dialog 2008” proceedings]. <http://www.dialog-21.ru/dialog2008/materials/pdf/Korchagin.pdf> (In Russ.)

Panov M. V. *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [History of Russian literary pronunciation of the XVIII–XX centuries]. Moscow: Nauka, 1990. (In Russ.)

Pilshchikov I. [The meeting of Moscow linguistic circle of 1st June 1919 and the genesis of the verse theory concepts of O. Brik, B. Tomashevskiy and R. Jakobson]. *Revue des études slaves*. 2017. Vol. LXXXVIII. No. 1/2, pp. 151–175. (In Russ.)

Piperski A. Ch., Kukhto A. V. Intra-speaker stress variation in Russian: A corpus-driven study of Russian poetry. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. 2016. Iss. 15 (22), pp. 540–550.

Piperski A., Kukhto A. Inferring stress placement variability from a poetic corpus. *Journal of Slavic Linguistics*. 2021. Vol. 29, pp. 1–15.

Shapir M. I. [«Tebe chisla i mery net». On the possibilities and the barriers of the «exact methods» in humanities]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2005. № 1, pp. 43–62. (In Russ.)

Sitchinava D. V. [Accentuation of the verb *byt'* in Russian verse]. *Korpusnyi analiz russkogo stikha*. 2014. Vol. 2. (In Russ.)

Sitchinava D. V. [Russian historical accentology and the verse prosody: unfamiliar peers]. *VAProsy yazykoznaniya*. Moscow, 2020, pp. 111–115. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. [From the history of Russian stress: accentual shift in uncovered vowels]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2016. № 2 (32), pp. 55–70. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian enclitics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008. (In Russ.)